

ФРАНЦИЯ В СОВЕТСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ (1920—1924 гг.)

На основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории и новейших документальных публикаций анализируются оценки Москвы по вопросам вероятности столкновения с Францией, степени угрозы, которую она, по мнению советского руководства, представляла для советской России (СССР). Выявляется эволюция оценок, связанная не только с развитием международной ситуации, но и с влиянием различных ведомств (НКВД и Коминтерна) на советскую внешнюю политику. Рассматривается роль германского и польского факторов в видении стратегической ситуации в Европе Москвой. Обращается внимание на события Рурского кризиса 1923 г. — пика ожиданий войны с Францией — и его последствия для внешнеполитической линии СССР. В 1924 г. Москва стала уповать на смену власти во Франции и надеяться на то, что дипломатическая изоляция Парижа заставит его изменить прежнюю позицию и установить дипотношения с СССР.

Basing on the materials of the Russian state archive of social and political history (RGASPI) and recent publications of Soviet diplomatic and party documents, author analyzes the Soviet estimations concerning the probability of military conflict with France, the degree of menace which France constituted to the Soviet Russia (USSR), according to the opinion of the Soviet leaders. The evolution of estimates during 1920—1924 is revealed and linked up not only to the development of international situation but also to the relative influence on the Soviet foreign policy of different institutions (NKID and Comintern). The special attention is paid to the Ruhr crisis of 1923 — the apogee of expectations of the Soviet-French war — and its impact on the Soviet diplomacy. After 1923 Moscow's main hopes concerning the diplomatic recognition by France were bound up with the coming of the new people in power in Paris (Cartel des gauches) and French diplomatic isolation.

Ключевые слова: СССР; Франция; Германия; Польша; Троцкий; Чичерин; Копп; Зиновьев; Раковский; Эррио; «Картель левых».

Keywords: USSR; France; Germany; Poland; Trotsky; Chicherin; Kopp; Zinoviev; Rakovsky; Herriot; Cartel des gauches.

Стратегические оценки советского руководства в отношении Франции между советско-польской войной и победой «Картеля левых» на парламентских выборах 1924 г. стали предметом анализа одного из важных аспектов восприятия Франции Москвой в 1920—1924 гг. Источниковой базой исследования послужили материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также документальные публикации, освещающие деятельность советских органов, так или иначе влиявших на формирование внешней политики Советской России (с 1922 г. — СССР). Под стратегическими оценками мы понимаем восприятие Москвой Франции в разрезе ключевых военно-политических вопросов: представляет ли Франция военную угрозу для СССР, вероятно ли военное столкновение двух государств, по каким причинам и на каких направлениях? Если дипломатическая история советско-французских отношений в начале 1920-х гг. исследована в целом ряде работ [1—5], то их анализ с указанной выше точки зрения предпринимался реже.

Франция как угроза: факторы, определявшие советские оценки. В 1920—1924 гг. большинство советских руководителей, определявших внешнюю политику, считали, что Франция

Магадеев Искандэр Эдуардович — старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ, кандидат исторических наук. E-mail: iskander2017@yandex.ru

представляет собой потенциальную либо в некоторые периоды — вполне реальную угрозу для СССР. Одним из ключевых обстоятельств, определявших подобную оценку, были соображения идеологического характера. «Империалистическая Франция» рассматривалась как важная часть капиталистического мира, который *a priori*, как считалось, был враждебен по отношению к рабоче-крестьянской республике Советов и стремился ее «удушить» и уничтожить. Дело при этом, конечно, не ограничивалось одной идеологией. Серьезнейшее влияние на восприятие Франции как угрозы оказал опыт интервенции стран Антанты в 1918—1921 гг., а также отношение Москвы и Парижа к двум другим государствам — Германии и Польше.

Отношение это было полностью противоположным: если для Франции Германия была главной угрозой безопасности, а Польша — одной из опор ее политики, а с 1921 г. и союзником, то для СССР, напротив, Польша была наиболее вероятным противником, а Германия — партнером. В январе 1923 г., спустя несколько дней после ввода франко-бельгийских войск в Рур, нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий с тревогой указывал на «всю серьезность международного положения в результате французской оккупации Рура. Положение было бы не только серьезным, но грозило бы стать катастрофическим, если бы вмешалась Польша. Совершенно очевидно, что вмешательство Польши вконец нарушило бы — худое или хорошее — равновесие, которое сложилось в последние годы в восточной половине Европы. Окончательное военное удушение Германии означало бы чрезвычайную угрозу для всех народов Европы и, прежде всего, для России...» [6, с. 97].

С точки зрения Москвы, прямое военное столкновение СССР и Франции могло произойти скорее в результате развития событий вокруг Германии и Польши, нежели как следствие прямых советско-французских противоречий. Польша рассматривалась Кремлем как сателлит Франции, которого Париж будет использовать в качестве «острия» своей антисоветской политики. В сентябре 1923 г. в условиях ожидания революции в Германии председатель исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев подчеркивал, что «польская буржуазия окажется наиболее злым врагом (германской революции. — И. М.) не только потому, что именно ее французский империализм более всего склонен избрать орудием своих контрреволюционных целей, но и потому что, предвидя трудность своего положения между советской Германией и советской Россией, польская буржуазия будет драться с мужеством отчаяния» [7, с. 191]. Внутренние сложности франко-польского союза не ускользали от внимания ряда советских деятелей того периода. В октябре 1922 г. член ЦК РКП(б) и исполкома Коминтерна К. Б. Радек отмечал: «Говорят, что... Франция не в состоянии послать войск с помощью Польше...». Сам Радек, однако, не соглашался с этой точкой зрения: «Франция в состоянии послать Польше помощь даже людьми, но Польша, имея союз с Румынией, не столько нуждается в помощи в людях, сколько в снаряжении и техническом руководстве. И Польша и Румыния получают эту помощь в значительных размерах» [8, л. 103].

«Польский фактор», как полагали в Москве, мог привести к советско-французскому столкновению не только из-за «спонсирования» Парижем польского нападения на СССР, но и «в сцепке» с действиями самих французов против Германии. В августе 1920 г., в разгар советско-польской войны и Варшавской операции Красной армии, советский представитель в Берлине В. Л. Копп вел немаловажные переговоры с советником IV отдела германского МИД А. Мальцаном. Как сообщал Копп в Москву, «Мальцан указал на постоянные угрозы Франции занять Рурский бассейн, и в связи с этим осторожно задал вопрос о совместном военном действии против Франции». Рекомендации Коппа дать твердые гарантии помощи Берлину в случае нарушения «нейтралитета Германии третьей державой» встретили у наркома иностранных дел Г. В. Чичерина сдержанную реакцию: «Обещать Германии помощь вооруженною силою для сохранения нейтралитета можно в такой формулировке, чтобы она не заставляла нас идти на Рейн. Если французские войска пойдут через Германию, нам полезно будет иметь возможность бороться против них и на германской территории» [6, с. 25—27; 9, гл. 3].

Эволюция оценок «французской угрозы». На протяжении 1920—1924 гг. степень актуальности, придававшейся французской угрозе, варьировалась. На время советско-польской войны (особенно лета 1920 г.), сопровождавшейся активными переговорами Москвы с Берлином о закупке вооружений в Германии, о возможности «упразднить польский коридор» [6, с. 21], пришелся один из пиков опасений как СССР, так и Франции по поводу возможного вооруженного столкновения. Вместе с тем уже на фоне неудачи Красной армии под Варшавой многие подобные надежды и опасения сошли на нет. В сентябре 1920 г. Копп докладывал из Берлина о том, что «наши неудачи на польском фронте и предстоящий мир с Польшей... привели к тому, что идея восточной ориентации (в Германии. — *И. М.*) если не окончательно исчезла с политического горизонта, то во всяком случае сильно поблекла. Правые националистические круги, связывавшие эту идею с мечтами о военном выступлении против Франции в союзе с Советской Россией, бьют отбой по всей линии» [10, с. 46].

Вероятность советско-французской войны в 1921 г. казалась по сравнению с 1920 г. намного более отдаленной. В преддверии ввода французских войск в Дюссельдорф и ряд других городов на правом берегу Рейна в апреле 1921 г. советское полпредство в Берлине информировало, что германские «правые не готовят крупной авантюры на востоке с возможным расчетом на нашу помощь» [11, л. 7]. Эмиссар, направленный осенью 1921 г. в Париж для консультаций с французскими коммунистами, также сообщал успокаивавшие сведения: «Что касается русской политики, то в политических и серьезных деловых кругах активно-интервенционистские элементы идут, несомненно, на убыль... С точки зрения Совроссии, по мнению Кашена и других, правительство Бриана — наименьшее зло. Все подчеркивают, что Бриан гораздо левее парламента» (подчеркнуто в оригинале. — *И. М.*) [12, л. 15].

То же ощущение, что Франция продолжает политику ослабления России, хотя до военного столкновения дело вряд ли дойдет, характерно и для 1922 г. Генуэзская конференция и подписание Рапальского договора с Германией рассматривались НКВД как немаловажный успех. В депеше в Москву Чичерин явно подчеркивал изоляцию, в которой оказалась Франция: «Наш договор с Германией обострил отношения между Англией и Италией — с одной стороны, и Францией — с другой. Франция за последние дни держится более вызывающей тактики и хватается за мелочи... чтобы устраивать скандалы» [8, л. 97].

Активизация французских планов по оккупации Рура после подписания в апреле 1922 г. Рапальского договора воспринималась сдержанно. Чичерин полагал в августе, что «в случае вступления французов в Рур Германия сопротивляться не будет, но опасность вступления уменьшилась. У Пуанкаре альтернативно и программа военной экспансии, и программа капиталистической ассимиляции Германии» [6, с. 71]. Но и в информации, поступавшей в Москву в 1921—1922 гг., все чаще сквозила идея о растущей переориентации Германии на запад. Копп еще в октябре 1921 г. считал, что это — «дело решенное, и весь вопрос лишь в том, где будет делаться германская политика — в Лондоне или в Париже» [11, л. 10 об].

Несмотря на позитивные для России изменения в 1922 г., перспективы развития общей международной ситуации, безусловно, не рассматривались исключительно как радужные. Влиятельный сотрудник НКВД Л. М. Карахан, обсуждая в августе 1922 г. с генеральным секретарем ЦК РКП(б) И. В. Сталиным возможный приезд Э. Эррио в Россию, отмечал желательность придать визиту полуофициальный характер. Желание Москвы принять Эррио в полуофициальном статусе, писал он, «будет рассматриваться как симптом нашего стремления не рвать даже с теперешней Францией, а искать с ней соглашения. В связи с возможной военной грозой в Европе все, что успокаивает Францию и внушает ей спокойствие на счет наших намерений, должно быть сделано...» [13, л. 131].

Громким раскатом подобной военной грозы для Москвы стал ввод франко-бельгийских войск в Рур 11 января 1923 г. Казалось, что стратегический расклад 1920 г., при котором франко-польская коалиция может столкнуться с советско-германским блоком, вновь начи-

нал обретать плоть. В письме Радеку Троцкий 28 января писал: «Совершенно очевидно, что мы не хотим войны». Явно не исключая того, что она возникнет, он подчеркивал: «...нужно, чтобы германские рабочие знали, что, если германское правительство способно было на действительный отпор франко-польскому империализму, оно (генпра) нашло бы в лице России союзника ... [Польша] не может не понимать, что, в случае ее удара по Германии, мы не сможем остаться безучастными. Следовательно, у нее и без того достаточно искушений ударить по раненой Германии, чтобы затем встретить нас с развязанными руками» [11, л. 16].

На переговорах в феврале 1923 г. военных представителей СССР и Германии (сначала в Берлине, затем в Москве) обе стороны сошлись в неизбежности скорой войны, «возможно, не позднее середины лета этого года». Вместе с тем советские представители во главе с заместителем и «правой рукой» Троцкого Э. М. Склянским, стремясь получить от Берлина максимально возможное снабжение, но не давать конкретных военно-политических обязательств, смотрели на перспективу войны с Францией весьма осторожно. Отмечалось, что «было бы безумием со стороны Германии, если бы она дала Франции возможность в настоящее время спровоцировать себя на войну именно тогда, когда Германия недостаточно готова к войне», а также наиболее вероятными противниками Москвы назывались Польша и Румыния, вариант же войны с Францией потребует дополнительных поставок от немцев [6, с. 113].

Вскоре подобная осторожность ушла в прошлое на фоне, как казалось в Москве, всемирно-исторического поворота в виде приближающейся германской революции. Растущий кризис в Руре, размах которого был в разы усилен в сводках германских коммунистов, поступавших в Москву, к августу убедил Политбюро в том, что «германский пролетариат стоит непосредственно перед решительными боями за власть» [14, с. 20]. На фоне подобных перспектив вариант войны с Францией, каким бы нежелательным он ни был, стал рассматриваться как все более вероятный. В сентябре Зиновьев в тезисах «Грядущая германская революция и задачи РКП» сформулировал перспективы достаточно четко: «Нет никакого сомнения в том, что в настоящее время правительство Пуанкаре, во всяком случае, готовит войну с революционной Германией. Целью такой войны является “спасение” Германии и всей Европы от “ужасов” революции и создание в Германии такого белого правительства, которое было бы простой игрушкой в руках Пуанкаре. Если это так — а это несомненно так — то это значит, что **готовится война и против СССР**» (выделено в оригинале. — И. М.) [14, с. 196; 15]. Однако намеченная на 9 ноября германская революция так и не состоялась.

К началу 1924 г. акценты явно сместились с ожидания войны с Францией к поиску путей по нормализации отношений. В феврале полпред в Великобритании Х. Г. Раковский представил Чичерину следующее видение ситуации: «Признание Франции будет, конечно, гораздо скорее [чем через 2–3 года], ибо оно придет в результате признания нас со стороны Англии. Мы приобретаем вследствие признания [Англией] громадное политическое значение. Франция не сможет примириться со своей изолированностью» [13, л. 143–145].

В целом в 1924 г. в Москве нормализацию отношений с Францией все больше связывали с приходом новой группы людей к власти в Париже. Причем классовый анализ в данном случае подводил советских лидеров к вполне здравым выводам. Если В. И. Ленин в 1920 г. клеймил «зарвавшуюся Францию, заботящуюся о своих миллиардах бывшего царского дома (а там еще есть такие странные люди, которые надеются на их возвращение)» [7, с. 60], то Чичерин скорее связывал с этими «странными людьми» перспективы налаживания советско-французского диалога. 5 января 1923 г., за несколько дней до начала Рурского кризиса, нарком в письме М. М. Литвинову заявлял о готовности идти на уступки в отношении мелких держателей бывших царских долгов, учитывая к тому же, что «этим вопросом сильно интересовался Эррио». Чичерин даже проявлял к ним определенную симпатию: «Вообще французы, хлопочущие о сближении с Россией, говорят, что держатели русских займов дошли до такого состояния и до такой безнадежности, что будет вполне достаточно, если мы сделаем

какой-нибудь платоническое заявление... лишь бы хранящиеся в их шкатулках бумаги не были абсолютно лишены всякой ценности на вечные времена» [4, с. 75, 76; 16, л. 14, 15;]. Сведения, поступающие от советского эmissара в Париже в конце 1921 г., указывали на то, что мелкие держатели — это рычаг, с помощью которого СССР может улучшить свое положение, соблюдая, однако, дипломатические тонкости: «По мнению Кашена и других, сведения о нашей готовности к формальному признанию долгов вызвали бы, без сомнения, со стороны массы мелких рантье настолько сильный натиск в пользу переговоров с Совроссией, что ни одно правительство не смогло бы этому натиску противостоять. Однако Кашен и Поль Люи подчеркивали, что если подобное заявление Совпра придет [sic] через Лондон, то оно произведет возможно худшее впечатление (подчеркнуто в оригинале. — *И. М.*), так как все слои французского населения в настоящий момент настроены крайне англофобски» [12, л. 13, 14].

Заключение. На протяжении 1920—1924 гг. Франция по большей части воспринималась советским руководством как стратегическая угроза. Прямой военный конфликт с Францией не исключался (особенно в 1920 и 1923 гг.), главным образом как следствие развития ситуации вокруг Польши и Германии. Процесс нормализации отношений и путь к признанию Парижем СССР в 1924 г. протекал не только на фоне разочарования в перспективах мировой революции, но и укрепления линии НКВД на французском направлении советской внешней политики. Ставка, которую советские дипломаты сделали на внутривластные изменения и победу «Картеля левых», в итоге принесла свои плоды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Манфред А. З. Очерки истории Франции XVIII—XX вв. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 615 с.
2. Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М. : Междунар. отношения, 1964. 551 с.
3. Антюхина-Московченко В. И. СССР и Франция : советско-французские отношения в 1917—1967 гг. М. : Знание, 1967. 48 с.
4. Завадский А. Н. Проблемы становления советско-французских отношений в 1923—1924 годах // Россия: цивилизация, патриотизм, культура : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М. : Изд-во РУДН, 2003. С. 75—84.
5. Carley Michael J. Episodes from the Early Cold War: Franco-Soviet Relations, 1917—1927 // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. № 7. P. 1275—1305.
6. Москва — Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920—1941 : сб. док. / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М. : Наука, 2011. Т. 1 : 1920—1926. 1032 с.
7. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг. Документы / редкол. : Г. М. Адибеков [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 326 (К. Б. Радек). Оп. 2. Д. 1.
9. Черноперов В. Л. Дипломат В. Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии: 1919—1924 гг. : дисс. ... д-ра ист. наук. Ниж. Новгород : НГУ, 2006. 776 с.
10. Горлов С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва — Берлин, 1920—1933 гг. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 352 с.
11. РГАСПИ. Ф. 326 (К. Б. Радек). Оп. 2. Д. 21.
12. РГАСПИ. Ф. 517 (Французская коммунистическая партия). Оп. 1. Д. 157.
13. РГАСПИ. Ф. 159 (Г. В. Чичерин). Оп. 2. Д. 45.
14. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923—1939 : сб. док. / редкол. : Г. М. Адибеков. — М. : РОССПЭН, 2001. 398 с.
15. Макаренко П. В. «Немецкий Октябрь» 1923 г. и советская внешняя политика // Вопр. истории. 2012. № 3. С. 36—55.
16. РГАСПИ. Ф. 5 (Секретариат В. И. Ленина). Оп. 1. Д. 1988.

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2014 г.